

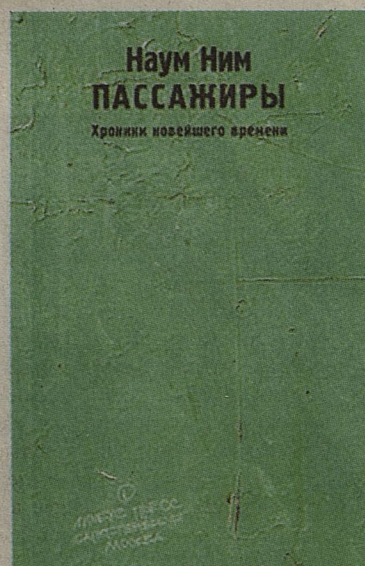
Город опустел, людей мало,
и едят они в основном друг
друга. Веселая такая
повесть >> СТР. 8

ХУДЛИТ

Места для пассажиров – на нарах

Олигархи за решеткой, самурайский кодекс и петушинные войны

Независимая газ. - EX
Libris - 2006 - 22 июня - с. 7.

Наум Ним. Пассажиры. Хроники новейшего времени.
– СПб.: Лимбус Пресс, 2006,
368 с.

Дмитрий Быков

Предыстория такова: питерские издатели обратились к Ниму как к главному редактору журналов «Неволя» и «Досье на цензуру», видному правозащитнику, диссиденту с тюремным и лагерным опытом, историку отечественной пенитенциарной системы. От него требовалось написать своевременную книгу – сборник полезных советов для лю-

чливо сделать так, что советы не понадобятся. Человек сам будет знать, как себя вести.

Олигарх Столпин, на примере которого Ним демонстрирует типичные ошибки и заблуждения подследственных, – обычный, дюжинный представитель российского бизнеса, не вовсе даже лишенный совести. Следователь Муравьев – тоже не зверь, он делает свое дело так, как это здесь принято. Антиутопия, которую Ним кладет в основу фабулы (массовые аресты среди бизнес-элиты, неспособной, как выясняется, к организованному сопротивлению), не так уж и нереальна – не только по нынешним временам, но и по любым. Справедливы или несправедливы эти аресты, Ниму не важно. В России все – подследственные, о чем он и проговаривается на первых же страницах. Более того: и в мире все – подследственные. Нормальная экзистенциалистская позиция, а еще точнее говоря – самурайская. Веди себя так, словно ты уже умер. Невиноватых нет. Тюрьма – не наказание, а экстремальная ситуация, концентрированное выражение российской действительности, где точно так же никому не надо верить, не стоит ничего подписывать и нельзя ни на кого надеяться. Однако если бы книга Нима учила просто не верить, не бояться и не просить – это не поднимало бы ее над уровнем хорошей тюремной прозы, которой

здесь, можно лишь научиться не терять лица. «Пассажиры» написаны человеком без иллюзий, человеком, которого и тюремный, и диссидентский, и литературный опыт приучил ни на кого не рассчитывать. Оказывается, это большое облегчение. Реальность вызывает у такого человека лишь спокойную усмешку. Зато он уважает себя – и в этом его главное утешение. Ему не противно смотреть в зеркало. Он вынужден стать героем в античном смысле – героем, противостоящим року. Вот почему Ним так любит испанца Гальего: его «Белое на черном» – о том же. О том, как приходится становиться героем, потому что выхода нет. В этой позиции нет высокомерия – есть лишь спокойное сознание, что лицо твое для тебя важнее жизни. Не для Столпина. Не для прочих изображаемых Нимом олигархов. Тем более не для следователей. А для автора. Поэтому автор и вызывает абсолютное доверие. От него заражаешься спокойствием и вместе с ним «снисходительно поплеываешь» (нимовское выражение) на собственные страхи.

Антиутопия Нима довольно избрательна. Поскольку тюрьма для него – лишь концентрация реальности, он позволяет себе остроумное предположение: постмодернистские веяния должны проникнуть и туда, ценности переворачиваются с ног на голову и упраздняются. Например, если Шаламов описал «сучью войну» – почему бы в наше время не произойти «петушиной»? Следователи внушают «петухам», что они – элита, истинная сила, что они утонченнее и сложнее своих мучителей, которых вдобавок легко опетухить. Насиловать необязательно – достаточно одного «петушиного» рукопожатия или даже трапезы в «петушином» обществе. Месть петухов, которые постепенно забирают всю власть в нескольких зонах, – поразительно точная метафора постперестроечного триумфа маргиналов и сопутствующего уничтожения морали как таковой; так выглядит свобода в мире без убеждений и правил, и Ним изображает этот мир без тени сочувствия.

Отдельная линия повествования – очередная версия второго пришествия; мир, который рисует Ним, в самом деле заслуживает Страшного суда, но пророк Исса, явившийся в мир, снова гибнет, и губит его, как всегда, Иуда, называющийся в наше время Юдиным. Ним переносит евангельский сюжет в декорации кавказской войны, и дурновкусие,

Веди себя так, словно ты уже умер.

Франсис Бэкон. Набросок на тему картины Веласкеса «Портрет Папы Иннокентия X»

Палачи делают свою работу по обязанности, а так-то они вполне нормальные люди...

дей влиятельных и состоятельных, попавших в мясорубку отечественного судопроизводства. Как вести себя на допросе. Как выжить в тюрьме. О чем можно и нельзя говорить с сокамерниками. Сто советов бывалого эка. Зарекаться от тюрьмы в России по-прежнему не стоит: перед законом все равны, перед его отсутствием или избирательным применением – тем более.

Ним вместо требуемого справочно-методического пособия написал роман, который я без колебаний называю одной из главных книг года. Тут ведь дело в чем: можно надавать кучу советов на предмет, как себя вести, – а можно аккуратно и ненавяз-

в России много. Дело не в полезности нимовских советов или его моральной позиции. Дело в том, что «Пассажиры» – веселая и отчаянная книга. Состояние веселого отчаяния – оптимальное состояние бездны мрачной на краю.

Дело даже не в остроумных и злобных шаржах на вполне реальных персонажей (я обнаружил в нимовской галерее и себя – и вынужден признать, что многое точно). Роман Нима привлекателен не этим, а полным отсутствием страха и надежды. Впрочем, еще предыдущий сборник его повестей назывался «Оставь надежду или душу». Ничего нельзя изменить – по крайней мере

казалось бы, неизбежно, – но как раз юдинская линия напоминает о том, что перед нами действительно сильный писатель. Иску на этот раз предают не из жадности или злонамеренности, а просто потому, что человечество выродилось. Палачи делают свою работу по обязанности, предатели предают потому, что так положено, – а так-то они все нормальные люди... Этот страшный зазор между человеком и его социальной ролью возникает только там, где никто давно ни во что не верит. Вот почему Ним так верен тюремной тематике – в камере по крайней мере отвечают за слова. И хотя он называет такую ситуацию «тупорылой»,

она представляется ему более нормальной, чем мир, в котором слово вообще ничего не весит.

Неправ будет тот, кто назовет книгу Нима горькой, страшной, невыносимой – по фактуре оно, может, и так, но по ощущению совсем иначе. Грех сказать, это довольно веселое произведение. Оно свободно от политкорректных экивоков – все названо своими именами, и это прекрасно, как всякое освобождение. Оно работает с предельной, наихудшей реальностью – и доказывает, что ничего страшного нет и в ней. Страшное в другом – в капитуляции. А жизнь стоит недорого. Ним убеждает в этом так ярко, весело и

азартно, что и наши времена, тухловатые и анемичные, предстают достойной ареной для очередной схватки с мировым свинством.

«Пассажирами» на тюремном жаргоне называются новички, «фраера». Ним делает все, чтобы читатели перестали наконец быть пассажирами. Превратившись либо в водителей, которые сами направляют свой транспорт, либо в пешеходов, которые идут, куда хотят. Не случайно надпись в метро уравнивает пассажиров с инвалидами. Эту книгу написал не инвалид. Душевное здоровье, распространяемое ею, – лучшее, что может дать писатель читателю. ■

273